

II.

РУСАЛКА.

Надъ озеромъ , въ глухихъ дубровахъ,
Спасался нѣкогда монахъ ,
Всегда въ заняшїяхъ суровыхъ,
Въ постѣ , моливѣ и шрудахъ.
Уже лопашкою смиренной
Себѣ могилу спарець рылъ,
И лишь о смерти вождельнной
Свяшыхъ угодниковъ молилъ.

Однажды лѣшомъ у порогу
Поникшей хижины своей
Анахорешъ молился Богу.
Дубравы дѣлались чернѣй ;
Туманъ надъ озеромъ дымился,
И красный мѣсяць въ облакахъ
Тихонько по небу капился.
На воды спалъ глядѣшь монахъ.

Глядишь, невольно страха полный;
Не можешь самъ себя понять...
И видишь: закипѣли волны,
И присмирѣли вдругъ опять...
И вдругъ... легка, какъ тѣнь ночная,
Бѣла, какъ ранній снѣгъ холмовъ,
Выходишь женщина нагая,
И молча съѣла у береговъ.

Глядишь на спараго монаха
И чешешь влажные волосы.
Свяшой монахъ дрожишь со страха
И смотришь на ея красы.
Она манишь его рукою,
Киваешь быспро головой...
И вдругъ падучею звѣздою
Подъ сонной скрылася волной.

Всю ночь не спалъ старикъ утрюмой
И не молился цѣлый день:

Передь собой съ невольной думой
Все видѣль чудной дѣвы шѣнь.
Дубравы вновь одѣлись шмою ;
Пошла по облакамъ луна ,
И снова дѣва надъ водою
Сидишь , прелесшна и блѣдна.

Глядишь , киваешь головою ,
Цѣлуешь издали шупя ,
Играешь , плещеся волною ,
Хохочешь , плачешь , какъ дия ,
Зовешь монаха , нѣжно спонешь . . .
« Монахъ , монахъ ! Ко мнѣ , ко мнѣ ! . . . »
И вдругъ въ волнахъ прозрачныхъ шонешь :
И все въ глубокой шишинѣ .

На шрешій день опшельникъ спрасшной
Близь очарованныхъ бреговъ
Сидѣль и дѣвы ждалъ прекрасной ,
А шѣнь ложилась средь дубровъ . . .

Заря прогнала шму ночную:
Монаха не нашли нигдѣ,
И только бороду съдую
Мальчишки видѣли въ водѣ.